СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

венгерского государственного преступника Райка и его сообщников

Тито и американская разведка—авторы плана вооруженного переворота в Венгрии

Допрос Тибора Сеньи

Подсудимый начинает свои показания с рассказа о том, как он стал на службу американской разведки.

С американской разведкой, говорит он, я связался осенью 1944 года. В то время я находился в Швейцарии в качестве политического эмигранта, там было много подобных мне политэмигрантов. Органы американской разведки в первые же годы войны развернули активную работу по вербовке агентов из числа таких элементов, которые смогли бы затем вести подрывную работу в компартиях. В Швейцарии находился в то время европейский центр ОСС (американская разведывательная организация—бюро стратегических служб.—Ред.), которым руководил Аллен Даллес, официально являвшийся сотрудником американской миссии в Берне.

В 1944 году, показывает далее подсудимый, уже было ясно, что часть Восточной Европы освободит Советская Армия. Тогда перед Даллесом поставили задачу—создать крупную шпионскую сеть в этих восточноевропейских странах. Ближайшим помощником Даллеса по этим вопросам был Ноэль Х. Филд, официально являвшийся представителем УСК (благотворительная комиссия унитарной церкви.—Ред.) в Европе. Оказывая материальную помощь политэмигрантам, он вербовал их для шпионской работы. Помогали ему в этой работе также Миша Ломпар—американский разведчик, ставший югославским консулом в Швейцарии, и Латинович, ставший затем югославским консулом в Марселе.

— Я, — говорит подсудимый,— руководил группой венгерских политэмигрантов, которая состояла из политически неустойчивых студентов и представителей интеллигенции. Воспитывал я их в шовинистическом, националистическом духе. Ломпар поддерживал тесную связь со мной и Ференцем Ваги, находившимся там же. Ломпар снабжал нас литературой, пропагандирующей теорию Браудера (бывшего генерального секретаря компартии США. — Ред.). Мы познакомились с этой теорией и одобрили ее. Мы решили, что Венгрию надо поставить на сторону Америки.

—Ломпар—продолжает подсудимый,—узнав об этом решении нашей группы, в сентябре 1944 года предложил мне установить связь с Даллесом. Я знал, что Ломпар и Ноэль Х. Филд занимались вербовкой агентов в среде чехословацких, немецких, польских и других эмигрантов. В 1944 году вместе с Ференцем Ваги мы разработали меморандум, в котором излагали свои взгляды на послевоенное политическое положение Европы и планы на будущее, в которых предусматривалось сотрудничество с Америкой. Я передал этот меморандум американцам через Мишу Ломпар. После этого я неоднократно встречался с Даллесом. В ноябре 1944 года он официально завербовал меня на службу американской разведки.

Даллес, говорит подсудимый, заявил мне, что коммунистические партии восточноевропейских стран в итоге разгрома фашизма придут к власти и поэтому надо будет развернуть подрывную работу внутри этих партий. Между нашими взглядами не было никаких расхождений, но Даллес все же предъявил мне мою расписку в получении денег от Ноэль Х. Филда. С Даллесом мы договорились, что после моего возвращения на родину я буду поддерживать с ним связь под кличкой Петер, а он будет фигурировать под именем Вагнера.

Далее Сеньи рассказывает о той роли, которую сыграл в его вербовке американской разведкой югослав Миша Ломпар. Он, говорит подсудимый, установил связь со мной и со всей моей группой. Он старался проводить в нашей группе проамериканскую пропаганду и играл большую роль в организации переброски нашей группы в Венгрию. Этим же он занимался и в других группах политических эмигрантов. Обо всем он подробно информировал Даллеса.

— Я сам лично убедился,— говорит подсудимый,—и слышал об этом от Ференца Ваги, что в 1944 году между Тито и Даллесом уже имелась тайная связь и шли переговоры о координации деятельности на послевоенный период, целью чего была организация подрывной группы Тито, направленной против Советского Союза. Это я хорошо знаю из беседы с Мишей Ломпар.

Отвечая на вопрос председателя суда, Сеньи говорит, что в составе его троцкистской группы, находившейся тогда в Швейцарии, были Ференц Ваги, Андраш Кальман, Дьердь Дэметер, Дьюла Кути, Янош Добо, Иван Фальди, Петер Балабан, Дьердь Шомло.

— В ноябре 1944 года,—продолжает подсудимый, — Даллес дал нам указание возвратиться в Венгрию. Поехали со мной Ваги, Дэметер, Кути, Кальман, Добо. Остальные остались в Швейцарии. Ими руководил Фэльди. Перед нашим отъездом Даллес заявил, что наша поездка будет организована Мишей Ломпар и Ноэль Х. Филдом. Мы получили подложные документы югославских офицеров. Кроме того, нам вручили секретные письма в ОЗНА, в которых об'яснялось, что мы являемся работниками американской разведки и что нам нужно оказывать помощь. Ноэль Х. Филд вручил нам 4 тысячи швейцарских франков и организовал переброску нас во Францию через швейцарскую границу. Мы направились в Марсель к Латиновичу, который также снабдил нас новыми документами и письмом в югославскую военную миссию в Бари, а также связал нас с американскими военными властями, которые предоставили в наше распоряжение военный самолет, доставивший нас в Белград. Латинович нам сказал, что о порядке доставки информации Даллесу надо договориться в Белграде, в ОЗНА.

— В Белграде, — продолжает Сеньи,—майор Ковачевич связал меня с майором ОЗНА Николой Калафатич, который дал мне указание немедленно уничтожить по приезде в Венгрию подложные документы. Он организовал переброску нашей группы через границу. В наше распоряжение была предоставлена автомашина ОЗНА, и в сопровождении офицера ОЗНА мы были доставлены в Сегед, где немедленно уничтожили свои подложные документы.

Отвечая на вопрос председателя суда, Сеньи показывает, что все официальные американские и югославские деятели, с которыми ему пришлось сталкиваться по пути в Венгрию, хорошо знали, что он является американским шпионом, и было совершенно ясно, что все они также тесно сотрудничают с американской разведкой. Мне, говорит подсудимый, часто было трудно определить, где кончается американская разведка и где начинается разведка Югославии.

— Даллес, — показывает Сеньи, — дал нам указание проникнуть в ряды компартии, пробраться, по мере возможности, на самые высокие посты, использовать их для проамериканской пропаганды, привлечь на свою сторону как можно большее число лиц, занимающих видные посты. Кроме этого, мы должны были регулярно информировать американскую разведку. Для этого были намечены три канала. Первый и основной — через югославов: Цицмил — Калафатич — Латинович—Ломпар—Даллес. В 1945—1946 годах я пользовался этим каналом. Второй канал — посылка мною информации в Швейцарию Ивану Фальди, который передавал ее Ноэль Х. Филду, а тот — Даллесу. Третий канал — письменное сообщение в Швейцарию от «Петера» к «Вагнеру». В Будапеште постоянная связь с Цицмилом поддерживалась мною через Андраша Кальман.

Отвечая на вопрос председателя суда, подсудимый подробно рассказывает о своей подрывной и шпионской деятельности, которую он проводил в Венгрии. Мне удалось, говорит он, занять видный партийный пост, который я использовал для того, чтобы протащить других членов моей группы на важные должности. В конце концов Ференц Ваги был устроен в отдел печати премьер-министерства, Андраш Кальман — в министерство социального обеспечения, Дьердь Дэметер — на пост директора акционерного общества «Дунубия», Петер Балабан — в радиокомитет, Иван Фэльди — на руководящий пост в акционерное общество «Масовол» и др.

— Каждые два месяца, — говорит далее Сеньи, — мы проводили совещания, на которых члены нашей группы получали указания стремиться внешне-активной работой добиваться повышения по службе и завоевывать симпатии окружающих. Одновременно нужно было вести осторожную пропаганду, направленную против руководства компартии.

Подсудимый показывает, что, используя все три канала, он и Ференц Ваги регулярно отправляли секретные информации Даллесу.

В мае 1946 года, говорит подсудимый, Иван Фэльди привез из Швейцарии письмо, в котором приводились имена американских шпионов — Бела Сас, Дьердь Алам, Иван Матэ. Позже, по поручению Райка, я устроил Бела Сас на руководящую должность. Во время этой встречи с Фэльди я дал ему указание организовать переброску в Венгрию той части нашей группы, которая оставалась в Швейцарии.

Однажды, рассказывает Сеньи, я использовал в качестве курьера Илону Койса, которая в 1947 году возвратилась из Франции в Венгрию и должна была создать здесь представительство УСК, под покровом которого находилась бы американская разведка. С моей помощью она выполнила эту задачу.

Отвечая на вопросы председателя суда, подсудимый показывает, что он знал о подготавливавшемся убийстве Ракоши, Фаркаша и Герэ и о том, что в этом югославы также окажут помощь.

Подсудимый говорит, что Райк все время поддерживал тесную связь с Тито и Ранковичем и получал от них указания. Райк сказал мне, показывает Сеньи, что план вооруженного переворота он обсудил с Ранковичем и что Тито знаком с этим планом. Райк подчеркнул при этом мне, что срок переворота зависит от Ранковича и американской разведки. Установление этого срока связано также с международной обстановкой. Мне было известно, что авторами плана вооруженного переворота являются американская разведка и нынешние руководящие политики Югославии—Тито, Ранкович и другие.

Сеньи показывает, что план вооруженного переворота в Венгрии был только частью общего американско-югославского плана создания блока балканских стран во главе с Югославией.

Подсудимый заявляет далее, что из бесед с Райком он знал о содержании переговоров, происходивших неоднократно между Ранковичем и Райком. Я знаю, говорит он, что Райк беседовал с Ранковичем и на другие темы, в частности, как мне известно, Ранкович рассказал Райку о провокациях, направленных против советских дипломатов в Белграде.

Председатель: На какие силы вы рассчитывали опереться при совершении вооруженного переворота?

Сеньи: На поддержку отдельных воинских подразделений, которую обеспечил бы Палфи, а также на поддержку некоторых специальных полицейских отрядов. Райк говорил мне, что он всячески стремился обеспечить свое влияние на полицию и уже послал на работу в министерство внутренних дел своих людей — Эндре Себеньи, Дьюла Оско, Шандор Чересньеш и других. Самостоятельно и при моей поддержке он устроил на важные посты Ласло Маршалл, Ласло Матьяш, Яноша Бекк, Карой Рат, Калчича и других. Для усиления своего влияния Райк распустил парторганизацию в полиции. Кроме того, мы рассчитывали на поддержку националистических, шовинистических и реакционных элементов страны. Мы сделали все, чтобы привлечь на свою сторону молодежь народных колледжей, в среде которых мы старались популяризировать Райка. Райк получил указание из-за границы опираться в селе на кулацкие элементы, а в городах — на националистические и шовинистические элементы.

Председатель: Какую поддержку вам обещали из-за границы?

Сеньи: Райк говорил, что нам будут поставлять оружие, а также окажут поддержку югославскими воинскими частями, которые будут одеты в венгерскую форму. Обещали поддержку также в осуществлении террористических актов. Для помощи нам собирались также спровоцировать в этот период вооруженные инциденты на венгерско-югославской границе, которые югославы уже начали провоцировать с первых месяцев этого года. После же осуществления вооруженного переворота Венгрия получила бы экономическую и финансовую помощь США и ее приняли бы в ряды ООН.

Отвечая далее на вопросы председателя суда, Сеньи рассказывает о своей непосредственной роли в подготовке к вооруженному перевороту. Он говорит, что после опубликования Резолюции Информбюро он распространял пропагандистский материал, направленный на защиту Тито, который он получал от Андраша Салаи. Подсудимый признает, что свое служебное положение он использовал для того, чтобы на все мало-мальски важные посты назначить своих людей или хотя бы таких, на которых можно было бы положиться в будущем. Сеньи говорит, что в последний период свои шпионские донесения он передавал американцам через Райка.

—После переворота, — показывает подсудимый, — мы должны были создать новое правительство. Политический строй Венгрии был бы преобразован по образцу Югославии. Коммунистическую партию мы оттеснили бы на задний план, выдвинув вперед народный фронт, который задушили бы кулачеством и мелкобуржуазными элементами. В экономической области мы постепенно свели бы на-нет все завоевания венгерской демократии. Возвратили бы фабрики, заводы, шахты и банки старым владельцам, ликвидировали бы земельную реформу, снова вернув землю помещикам.

В вопросах внешней политики, говорит Сеньи, мы также действовали бы осторожно, стремясь постепенно оторвать Венгрию от лагеря мира и перевести в лагерь США. Мы вынуждены были бы делать все это осторожно и постепенно, потому что хорошо видели большие симпатии масс венгерского народа к Советскому Союзу. Поэтому, в частности, даже финансовая помощь со стороны Америки первоначально оказывалась бы не открыто, так как это не понравилось бы массам трудящихся Венгрии. Повторяю, речь шла о постепенном переходе Венгрии на сторону США. И этот «венгерский план» представлял собой только часть всего плана создания блока балканских стран, направленного против Советского Союза. Это также было причиной того, что мы должны были бы действовать после вооруженного переворота очень осторожно, чтобы не раскрыть карты всего плана.

Председатель: Кто вошел бы в состав правительства?

Сеньи: Лица, участвующие в заговоре и сочувствующие нашей политике. Премьер-министром был бы Райк.

Председатель показывает подсудимому фотографии Аллен Даллеса, Ноэль Х. Филда и Ранковича. Подсудимый Сеньи сразу же узнает Даллеса и Филда. Подсудимый Райк, которому также была показана фотография, узнал Ранковича.

Председатель: Получали ли вы или Райк вознаграждения за свою шпионскую деятельность?

Сеньи: Я и моя группа получили от Ноэль Х. Филда 4 тысячи швейцарских франков. Кроме того, Баги и Дэметер в 1943 г. регулярно получали от него различные суммы денег. Дважды получал от него деньги и я. Поддерживали ли американцы материально Райка—не знаю.

После этого подсудимый просит суд разрешить ему сделать заявление. Получив разрешение, он говорит, что «сожалеет» о своей шпионской деятельности и поэтому говорит обо всем откровенно.

— Я говорю это, — заявляет подсудимый,—так как знаю, что общественные круги некоторых стран и, особенно, иностранные журналисты во время таких процессов часто пишут о том, что такие признания вынуждаются насилием или делаются подсудимыми под влиянием каких-то особых лекарств. Я по профессии врач-невропатолог и еще раньше понимал нелепость таких утверждений. Теперь же на своем опыте я еще раз убедился, что подобные утверждения—ложь, и еще раз заявляю, что мои откровенные признания являются следствием моего раскаяния и решения попытаться хоть частично исправить свои тяжелые преступления.

Затем подсудимому задает несколько вопросов прокурор.

Прокурор: Каковы, по вашему мнению, были бы последствия вторжения в Венгрию воинских частей из Югославии и Австрии?

Сеньи: Конечно, ликвидация всех достижений народной демократии и кровавый террор.

Прокурор: Состояли ли вы в рядах сионистской организации?

Сеньи: Члены моей группы состояли в этой организации, и они одновременно тесно сотрудничали с американской разведкой.

Прокурор: Что вы знаете о деятельности американских шпионов в других странах народной демократии?

Сеньи: Я точно знаю, что такая же шпионская сеть была создана американцами в Чехословакии. Ею руководил с югославской стороны Павлик, с которым я встречался. Павлик был в тесной связи с Лондонским чехословацким правительством, в частности с неким Копецким. Была у американцев, насколько мне известно, такая же шпионская сеть в Германии, Польше и других странах.

На этом допрос подсудимого Сеньи закончился.

Допрос Андраш Салаи

БУДАПЕШТ, 19 сентября. (ТАСС). Пятым допрашивается подсудимый Андраш Салаи. На вопрос председателя суда, признает ли он себя виновным в пред'явленных обвинениях, Салаи отвечает утвердительно.

Затем подсудимый повествует длинную историю своей гнусной провокаторской и предательской деятельности. К сотрудничеству в полиции, показывает Салаи, он был привлечен в 1923 году в городе Печ. До этого он принимал участие в сионистском движении и, как он сам показывает, был достаточно политически развращен. В 1932 году он включился в молодежное коммунистическое движение, был арестован и на первом же допросе в политической полиции предал всю подпольную коммунистическую молодежную организацию, в которой сам состоял. Инспектор политической полиции Рети, допрашивавший Салаи, предложил ему наладить связь с полицией, и тот немедленно согласился.

— Мне было поручено, — говорит подсудимый, — узнать, кто еще из членов организации остался неизвестным хортистской полиции. Я проник в их доверие и предал их. Это явилось одной из причин того, что в городе Печ в течение многих лет не было серьезного молодежного коммунистического движения. По поручению Рети я доставал сведения о деятельности профсоюзных организаций, о намечающейся борьбе рабочих против своих хозяев. За это Рети дважды выдавал мне паспорт для поездки за границу. Он обещал также помочь устроить меня в университет.

Однако Салаи уехал из города Печ, и его связь с политической полицией и провокаторская деятельность на некоторое время оборвались. Отвратительная личность этого провокатора вновь всплывает в 1942 году.

— По предложению инженера Петера Эрдеш, — говорит подсудимый, — я дал согласие работать в нелегальной коммунистической организации, но не успел еще включиться в работу, как все члены организации были арестованы. Будучи также арестован, я выдал всех известных мне членов организации и, чтобы расположить к себе политическую полицию, сообщил о том, что в молодежном социал-демократическом движении работают коммунисты Ласло Орбан, Эндре Шагвари, Ева Лакош. Ева Лакош подверглась суровому наказанию, а двух первых коммунистов полиции разыскать не удалось.

Подсудимый цинично заявляет, что в полиции к нему лично отнеслись мягко, как к предателю. Он был освобожден до суда, был мобилизован в рабочий батальон и снова выдал целую группу молодежи из числа тех, кто, как он узнал, боролся в свое время на стороне республиканской Испании. За это предательство им была получена крупная в то время награда в сумме 1.000 пенго.

Состоявшийся суд, чтобы избежать разоблачения Салаи, приговорил его к небольшому сроку заключения. Сидя в тюрьме Шаторальяуйхей, он и здесь не прекратил своей гнусной провокаторской и предательской деятельности. Он связался с начальником тюрьмы Линдбергом, сообщил ему о нелегальной доставке заключенным политической литературы, о настроениях заключенных. В тюрьме в это время находилось около 400 сербских антифашистов и коммунистов. Они сделали подкоп и в назначенный день устроили побег. Но полиция была предупреждена об этом. Завязалась кровавая схватка, в результате которой было убито 54 заключенных и 10 передано трибуналу и казнено. За оказанную услугу Салаи был выпущен из тюрьмы.

После освобождения страны, скрыв свое прошлое, Салаи вступил в партию и стал работать в отделе пропаганды ЦК Венгерской коммунистической партии. Салаи и здесь не прекращает своей предательской деятельности, направленной на этот раз против освободившегося от фашистских пут венгерского народа. Весной 1946 года его завербовал в качестве шпиона руководитель югославского репатриационного управления майор Смилянич. Работая по заданиям Смилянича, а затем главного резидента югославской разведки, советника югославской миссии Бранкова, Салаи вел политическую пропаганду в пользу Югославии, поставлял шпионские сведения, устраивал на руководящие посты югославских агентов. Смилянич особенно интересовался внутренним положением в Венгрии, соотношением сил в политических партиях, выполнением трехлетнего плана и развитием венгерской промышленности, подготовкой к выборам 1947 года, решениями ЦК партии и т. д. Подсудимый аккуратно поставлял все эти сведения. Используя свое служебное положение, Салаи, по поручению Смилянича, организовал доклады, имевшие целью популяризировать Югославию и Тито и вместе с тем популяризировать план создания так называемой Дунайской конференции. Смысл этого плана состоял в том, что страны, находящиеся в долине Дуная, должны об'единиться вокруг Тито и опираться не на Советский Союз, а на Югославию.

— Смилянич указывал, — говорит подсудимый, — что задача состоит не в том, чтобы венгерская промышленность восстанавливала Венгрию, а в том, чтобы она помогала осуществлению пятилетнего плана Югославии. Вся экономика Венгрии должна быть подчинена интересам Югославии. В доказательство необходимости этого Смилянич приводил следующие доводы: Венгрия только тогда загладит свое фашистское прошлое, если будет способствовать укреплению Югославии. Он использовал временные трудности Венгрии, чтобы убедить меня в том, — показывает подсудимый, — что такую страну, как Венгрия, восстанавливать не стоит, что общей целью всех народных демократий должно быть укрепление Югославии, которая является «образцом народной демократии». Я осуществлял на практике указания Смилянича, проводя антивенгерскую линию.

—Смилянич заявил также, что другой важнейшей задачей пропаганды должна являться переориентация трудящихся масс Венгрии вместо Советского Союза на Югославию. Когда я сказал, показывает Салаи, что перед трудящимися Венгрии невозможно поносить Советский Союз, Смилянич заявил, что в таком случае нужно умалчивать об исторической роли Советского Союза и о героической борьбе югославского народа, а восхвалять только политику Тито.

—По заданию Смилянича я должен был помочь избранию Антона Роб в венгерский парламент. Выполнить это я мог бы только при том условии, если бы работал в отделе кадров Центрального комитета партии. Я обратился к Олту (бывший начальник отдела кадров Центрального комитета партии. — Прим. ред.). В отделе кадров имелось свободное место, и Олт, не зная, какие цели руководят мною, принял меня на работу. Используя свое служебное положение, я помог Робу стать депутатом парламента. По указанию Смилянича, я устроил также на работу в репарационное управление Иожефа Хеггедюш.

— В конце 1947 года,—показывает Салаи,—Смилянич уехал из Венгрии. Перед своим отъездом он познакомил меня с Бранковым, с которым я договорился, что буду держать с ним связь, но не непосредственно, а сначала через Роба, а потом Шебянича.

Используя свое служебное положение, Салаи еще до опубликования решения совета министров о национализации крупных предприятий, весной 1948 года сообщил о нем Бранкову.

— Я,—показал подсудимый,— рассказал также Бранкову о решении Коминформа, о котором узнал на закрытом заседании в Центральном комитете партии до того, как это решение было опубликовано.

После опубликования решения Информбюро, продолжает подсудимый, Антон Роб, являвшийся генеральным секретарем Венгерско-югославского общества, бежал. Выборы нового генерального секретаря явились открытым вмешательством югославской миссии во внутриполитические дела Венгрии.

Большой упор в нашей деятельности делался на работу Венгерско-югославского общества, которое занималось преимущественно тем, что засылало агентов (Огненович и др.) в районы, где живут южные славяне, с целью восстановить их против венгерского правительства и народной демократии. Но это не удалось. Южные славяне стали на сторону резолюции Коминформа.

На пост генерального секретаря Венгерско-югославского общества предполагалось назначить Милоша Моича. Это не входило в расчеты югославской разведки, так как она уже не была в нем полностью уверена. Моич был убит.

— После того, как Шебянич уехал в Югославию, а Бранков опубликовал свое заявление против Тито, я, показывает подсудимый, стал держать непосредственную связь с Бранковым. Сам характер связи не изменился. В январе 1949 года я передал ему сведения о ходе чистки в партии, о социальном составе партии, о количестве исключенных и переведенных в кандидаты. Позже такие же шпионские сведения давались мною об армии, а также о министерстве иностранных дел. Весной 1949 года Бранков попросил меня помочь ему достать в министерстве внутренних дел разрешение для перехода через венгерско-югославскую границу якобы для переброски в Югославию пропагандистского материала, направленного против Тито. Однако министерство внутренних дел отказалось выдать такое разрешение, заявив, что Венгрия не может вмешаться во внутренние дела Югославии.

Отвечая на вопросы председателя суда, Салаи подробно рассказывает, кого он устранял на различные должности по поручению американского разведчика Сеньи.

Допрос Милана Огненовича

Следующим допрашивается подсудимый Милан Огненович.

Огненович признает себя виновным и в ответ на вопрос председателя подробно рассказывает о своих шпионских связях и выполнении заданий в пользу югославской разведки.

Как показал подсудимый, он был завербован для шпионской работы югославским консулом в Будапеште Блажичем, который, прикрываясь дипломатической работой, широко развертывал в Венгрии разведывательную деятельность. Вербовка Огненовича состоялась в югославском консульстве в мае 1948 года.

Кроме Блажича он был связан с Бранковым, Мразовичем и Девечичем.

—По указанию Блажича, показывает Огненович, я, работая оргсекретарем «Демократического союза южных славян», создавал на юге Венгрии шпионскую сеть и распространял пропагандистские материалы, полученные из Югославии.

После от'езда Блажича Девечич дал мне задание в гор. Печ и в его окрестностях привлечь на сторону политики Тито членов партии. Это поручение было выполнено. Мною были завербованы люди, главным образом среди торговцев, кулаков и учителей, которым я давал задания собирать сведения, интересующие югославскую миссию.

В июле 1948 года после убийства Милоша Моича было арестовано несколько южных славян, а в их числе и сам Огненович. После освобождения его из-под ареста ему было запрещено покидать Будапешт. Блажич настаивал на продолжении работы. Он требовал выезда в села для распространения брошюр и других пропагандистских материалов, но я, заявляет подсудимый, этого не сделал, так как боялся, что меня арестуют.

— После опубликования резолюции Информбюро,—показывает Огненович, — венгерские власти

(Окончание на 4-й стр.)